

Работа Чуприны Александра, занявшая I место на краевом конкурсе исследовательских работ «Судьба человека в истории XX века», 2006 г.

Бывают события, даже весьма значительные для своего времени, которые по прошествии десятилетий стираются из памяти людей и становятся достоянием архивных хранилищ. Но есть события, значение которых не тускнеет от неумолимого бега времени. Напротив, каждое прошедшее десятилетие с возрастающей силой подчеркивает их величие, их определяющую роль в мировой истории. Именно к таким относится победа советского народа в Великой Отечественной войне. Память об этих событиях не подвластна времени – бережно хранимая и передаваемая из поколения в поколение, она переживает века.

Память о прошлом... Нет, это не просто свойство человеческого сознания, его способность сохранить следы минувшего. Память – это связующее звено между прошлым и будущим, это – чрезвычайный и полномочный посол, направляемый историей в грядущее для того, чтобы облегчить человечеству дальнейший путь.

Память не нейтральна, не пассивна. Она учит и призывает, убеждает и предостерегает, дает силы и внушает веру. Из памяти народной мы черпаем силы для новых свершений, она вдохновляет на труд и на подвиг. Вот почему наш народ так благоговейно чтит память о подвигах тех, кто не жалел ни сил, ни самой жизни в великой битве с врагом, в борьбе за светлый грядущий день Отчизны. И чем меньше остается живых свидетелей прошлого, тем большей становится наша всенародная забота о его сохранении в вечной памяти благородных потомков.

Жизнь каждого человека по-своему связана с событиями Великой Отечественной войны. Годы неумолимо отделяют нас от 9 Мая 1945 года. Все реже с каждым днем становятся ряды тех, кому страна обязана избавлением от фашистских захватчиков. Эта война унесла миллионы

жизней. Наверное, нет ни одного села, ни одного дома, в который не постучалась бы война. О той войне я знаю только по книгам, фильмам и документальным лентам. Но этого достаточно, чтобы судить о том, сколько бед и несчастья принесла та война. И нельзя забывать тех людей, которые ценой своей жизни освободили Родину, нельзя забывать их подвиги. Память о них должна быть вечной. Да, люди совершали героические поступки и погибали во имя жизни на земле, во имя счастья нашего поколения. И мы не забываем о героях. Они всегда рядом с нами. Мы живем их жизнью, берём во всем с них пример, учимся у них. Об одном таком я хочу рассказать. Это мой дедушка **Чуприна Александр Кондратьевич**. Он участник Великой Отечественной войны. Его судьба была очень трудной и трагичной. Он воевал, был ранен, попал в плен, прошёл через ужас фашистских концлагерей и выжил всем смертям назло.

Мой дедушка родился в 1922 году в селе Гилёв Лог в семье крестьян. Родители – выходцы из Полтавской губернии. Школьные годы начались в 1930 г., и в этом же году его отец вступил в колхоз. В эти годы было очень трудно жить и учиться. Был голод. Родители, чтобы прокормиться, меняли на хлеб одежду. В 1931 г. было нашествие саранчи. В 1932-м – нашествие червей. В 1933-м – вообще не было ни одного дождя. В таких условия организовывались колхозы, коммуны. Семь классов дед закончил в селе Гилев Лог. А среднюю школу он заканчивал в селе Завьялово в 1940 году. После окончания средней школы в то время многие выпускники сами становились учителями. В 1940 году дед начал работать учителем в селе Глубокое Завьяловского района. В 1941 году началась война. До февраля 1942 года деда не брали в армию по зрению.

В феврале 1942 г. Чуприну А.К. призвали в армию. Формировался 712-й полк в г. Бийске. Вошёл в 232-ю стрелковую алтайскую дивизию, которая была направлена на Воронежский фронт. Только что прибывших солдат

заставляли рыть окопы, делать оборонительные сооружения, так как стало известно о скором наступлении немецких войск. Деревьев там не было совсем, а привозить было неоткуда, поэтому, чтобы сделать блиндажи, приходилось разбирать старые сараи и постройки. Первые бои полк начал под Воронежем с самых первых дней июля. Бои были очень жаркие, длившиеся по несколько суток подряд. Бойцы — все сибирские парни 18–20 лет. Полк был доукомплектован солдатами из штрафных батальонов. Командовать было достаточно сложно. Но комиссар-политрук Ермолаев очень умело работал с людьми, к каждому умел подойти, так поговорить, что у человека поднималось в душе чувство большой личной ответственности. В бою росла вера в то, что, несмотря на продвижение врага по нашей территории, победа будет за нами, мы победим, хотя и ценой многих жертв.

В это время на Сталинградском направлении шли упорные бои, и немцы понемногу продвигались к самому Сталинграду. На Воронежском фронте, где служил мой дед, противник построил несколько оборонительных рубежей, укрепил берег — значит, часть войск готовится к отводу с позиций. Куда, всем было ясно — на Сталинград. Задержать эти дивизии здесь — вот главная цель советского командования. План наступательного боя был представлен на утверждение командующему армией. Приказ по крупному наступлению на отдельном участке был сразу же донесён комдиву 232-й дивизии. А на самом же деле 44 человека имитировали крупномасштабное наступление по всему фронту.

Из воспоминаний Чуприны А.К.: «В начале августа две группы по 22 человека, в одной из которых был я, во главе с политруком Ермолаевым были направлены с ответственным заданием — провести разведку боем. Бой начался с 4 часов утра. Переправившись через реку Дон, взвод выбил немцев из окопов. Немцы решили, что началось наступление советских войск, и бросили на горстку

бойцов пехоту, танки и самолёты. Бойцы бились отчаянно, до последнего патрона, выполняя приказ Сталина: «Ни шагу назад». Ждали подмогу, выпуская сигнальные ракеты. Но к концу вторых суток нас становилось все меньше и меньше. Политруку оторвало обе ноги. Все реже слышались автоматные очереди. В траншеях нас осталось трое: я и два брата Коровины. Они были из Тувы. Засели в траншее. Бой вели из двух автоматов: один остывает, из другого бьют. Один Коровин заряжает обоймы автоматов, другой Коровин бросает гранаты. Но вот они закончились. Немцы швыряют гранаты в траншею, мы их хватаем и тут же бросаем обратно. Страха нет, есть одно желание – побольше уничтожить врагов. Но вот прямым попаданием гранаты в ключья разносит одного из Коровиных, вдвоем продолжаем бить из автоматов. Одна из фашистских гранат падает на склон, до неё нам не дотянуться. Раздаётся взрыв. Второй Коровин убит. Мне осколки попадают в левый бок. Стало жарко руке и ноге, промелькнула мысль: «На гитаре больше не играть». Из ран хлещет кровь. Я теряю сознание.

Очнулся, когда по карманам начали шарить. Открыл глаза немцы. Подумал, что сейчас пристрелят. Нет, схватили за ногу, поволокли к деревне Хвощеватка. Снова потерял сознание. Очнулся вновь, лёжа около дома. Немцы вокруг, кто пнёт ногой, кто каской ударит. Вокруг оказались другие наши пленные, все раненые. Когда немцы отошли, один из наших пленных оторвал рукава от маскхалата и перетянул ими мне руку и ногу – кровь остановилась. И больше за все время плена нас никто не лечил. В ранах заводились черви, воняло тухлым мясом, а люди продолжали жить. Потом всех пленных стащили в сарай. Охраны не было. Никто из пленных подняться не мог. Целый месяц мы не видели хлеба, кормили баландой из мяса убитых лошадей. Потом перевезли в лагерь военнопленных на станции Касторное. Не кормили, не лечили и здесь. А тех, кто был посильнее, увезли куда-то. Нача-

лись холода. С меня сняли ботинки. Остался в маскхалате без рукавов и в гимнастёрке, босой. Затем перевезли в лагерь под Киевом. Здесь насмотрелся я, как страшно издевались над евреями и политруками. Выводили их из строя и тут же расстреливали. А раны гниют. Пленные червей и осколки выковыривают друг у друга. Осколки из чугуна и щепки засели в моих ранах.

Затем меня, с такими же тяжело ранеными, перемещают на станцию Слаута возле Шепетовки. Во время погрузки раненые помогали друг другу, тащили тех, кто не мог совсем идти. Совсем слабых немцы тут же добивали. На станциях бывших конюшеут наших кавалерийских частей немцы устроили концлагерь, назвав его Гросс-лазарет. Раненых разместили на трехъярусных нарах. Внизу тех, кто совсем не ходил, лежачих, не кормили совсем. Второй ярус «сидячий», на своих ногах, передвигающихся с помощью товарищей. Их подкармливали. А третий ярус «ходячий». Кормили так: буханка эрзац-хлеба (опилки, отруби и еще что-то) весом в 1 кг выдавалась на 22–24 человека, на каждого приходилось граммов 20–30. Как тщательно нарезался, взвешивался и делился этот хлеб! К нему – баланда, пустая, из каких-то мёрзлых кореньев. Врачей в этом лазарете никто не видел. Из этого лазарета меня и еще человек 300 повезли в Польшу. Ходил я плохо. Мешал осколок в бедре ноги.

Местечко Холм в Польше. Лагерь военнопленных. Болото. Бараки – траншеи в земле. Пленные лежали на лежаках из земли, босые, раздетые, еле ноги передвигающие. А к Рождеству нас заставили очищать снег на территории лагеря. Да еще и песни петь. Хотя пленные и говорили-то с трудом. Живые скелеты! Жив остался я благодаря помощи друзей. Сдружились трое. Некоторые «ловкачи» из пленных же продавали фуфайки и шинели, снятые с мёртвых. Купили мне фуфайку за три пайки хлеба (мою и двух моих друзей). Затем тапки, сшитые из шинели (3 пайки хлеба). Так одели и обули меня такие

же, как и я, умирающие с голоду друзья, наши советские солдаты, израненные, гниющие пленные.

Потом отсчитали несколько сотен пленных, погрузили в теплушки и повезли в концлагерь Освенцим. Там было много разных людей, но особую жалость вызывали узники–дети. На них без слёз нельзя было смотреть. Выстроили опять, ищут евреев, политруков, больных. Выводят из строя, заталкивают в машины–фургоны с газом и увозят. Вытянули из строя и меня. Бледный, худой, еле ноги передвигаю. И опять друзья спасли. «Он не больной, он голодный», – кричат. Толкнул меня ногой полицай обратно в толпу пленных. И опять повезли пленных куда-то. Говорили пленные между собой, что в Германию.

Станция. Пленных выгрузили. Лес. Красиво. За лесом лагерь – целый город из бараков и колючей проволоки. Это был Дахау (326 лагерь – Шталаг). Здесь прямо к бараку подгоняли фургоны и на них складировали трупы, а с ними живых, но очень ослабленных людей, везли на могильник. Был и я у этого могильника. Это была огромная траншея. В неё накладывали слой трупов, а среди них и живых, которые еще двигались, смотрели, дышали. Застилали полотном из толя, на него следующий слой, затем закапывали. Делали это пленные, а полицаи заставляли, сами указывали, кого класть, а то и закапывающего толкнув в ту же яму. В этом лагере пленных размещали в деревянных помещениях. Кровати были деревянные, трехъярусные. За чистотой немцы очень следили, боялись заразы. Поэтому устраивали пленным и бани. Брали из барака 300 человек и строем гнали в длинный деревянный барак, в котором очень холодно. В первом помещении – зале в Дахау пленным давали деревянные колодки (обувь из дерева), вкатывали тележки, и на них пленные складывали своё тряпье. Далее тупыми бритвами брили волосы на теле. После этого контролёр проверяет; если недоволен, бьёт резиновой дубинкой и заставляет проделать эту операцию заново. Одежду отправляли в дезин-

фекцию, колодки – в дезинфицирующий раствор. Вшей здесь уже не было. После этого надевали колодки и шли в душ. С боков – немцы с автоматами. Пленных ставили по 10 человек к стене и из шланга окатывали струями холодной воды. Душ этот длился около 3-х часов. После душа – в следующую комнату. Пленных чем-то мазали, делали уколы, какие-то прививки. После такой практики многие умирали. Наверное, это были какие-то чудовищные эксперименты. Затем нагие пленные шли в другой зал, здесь мы ждали одежду. Холодно. После холодного душа мы, замёрзшие, старались прижаться друг к другу, чтобы согреться. Но там сидели немец с полицаем, и стоило пленным прижаться друг к другу, из шланга била струя холодной, ледяной воды. Часа три длилось ожидание одежды и товарищей. Затем вкатываются тележки с одеждой, а с другого конца немцы с овчарками заходят. Мы старались быстрее схватить одежду и одеться, еле передвигая ноги от ран и истощения. Не успел одеться – спускают овчарок, которые яростно набрасываются на несчастных. Так завершается баня. Некоторые так и оставались там, сбитые холодной струёй или загрызенные овчарками. Часто, просыпаясь, мы видели, что товарищ, с которым еще вечером говорили, утром уже был мертвый. Военнопленный – взрослый мужчина – был доведен истязаниями, голодом до веса 30–40 кг. Кожа да кости – ходячие скелеты. Вот как выглядели советские военнопленные.

Из Дахау меня и еще 100 человек перевезли в город Ганновер. Там был какой-то завод, на котором работали военнопленные. Тут пленным устраивается медкомиссия, идёт отбор по группам для распределения на труд. Врач – гражданский. За все эти годы мучения в плену он был первый, кто по-человечески отнесся к пленным – вонючим, невымытым. Он всех прощупал, прослушал, осмотрел. В итоге осмотра составились три списка: I – кто никуда не годился, их отправляли обратно в Дахау. II – оставляли работать в Ганновере на заводе. В III список заносились

те, кого отправляли на работу в сельское хозяйство. Я попал в третий. Ну а пока в Ганновере нас разместили с теми пленными, что работали на заводе. Их было человек 300. Здесь чувствовалась среди пленнх сплочённость, дисциплина, забота о товарищах. Вновь прибывших встретили тепло, старались всячески подкормить. На заводе они держали связь с гражданскими немцами-антифашистами, русскими, украинцами, белорусами, французами, итальянцами, работающими на заводах. Те им передавали кое-что из съестного, и это они несли нам, вновь прибывшим. Тут я узнал, что у наших был подпольный центр интернациональной борьбы. В подпольях барака был установлен радиоприёмник. Имелась связь с поляками, немецкими коммунистами. Возглавляли эту работу полицай и переводчик (вроде как доверенные лица немцев, но они делали совсем другое дело). Полицай и повара были тоже из своих людей. Здесь были наказаны вновь прибывшие полицайи (надсмотрщики, старшие из военнопленных), которые издевались над своими, и повара, которые обкрадывали пленнх, утаивали баланду и куски хлеба. Наши пленные рабочие избили их как следует, а немцам так объяснили причину, что те им еще добавили. У русских, мол, такой обычай – товарища обижать нельзя. Повара били ложками, 40 ложек по мягкому месту. Вот отсюда, с этих военных заводов выходила недоброкачественная военная продукция для немецкого фронта. Снаряды, которые не взрывались. Здесь я был всего одну неделю, но увидел, что все, кто как может, ведут борьбу для нашей победы. После войны я встречал бывших пленнх из этого лагеря. Некоторые из них были направлены нашими для политической работы среди немцев и пленнх, поэтому и рабочие на заводах делали брак, но так умно, что его трудно было заметить в заводских условиях.

Из этого лагеря человек 15 пленнх, в том числе и я, направили в сельскую местность. Городок Герден (в 30 км от Ганновера). Вёл один охранник. Но можно предста-

вить, каким тяжёлым был путь: мы еле-еле передвигали ноги. Поместили нас в сарае. Вечером привели с работы человек 40 наших пленных, которые уже работали здесь. Увидев нас, они заплакали. Перед ними стояли живые скелеты, обтянутые кожей. Они уже на сельхозработках немного отъелись: воровали продукты, картофель, свеклу, зерно. Прежде всего они стали кормить нас. Суп был густой, вкусный. Я съел 3 тарелки супа, больше не дали. Те же, кто больше съел, начали болеть дизентерией, и их отправили обратно. Утром на работу разводил охранник. Меня и еще 13 человек отвели к помещику. Работали на поле, убирали свеклу, картофель. Охранял один человек из немцев. Здесь уже не издевались, как раньше.

Шёл 1944 год. Наша армия приближалась к Германии. Вначале я работать не мог. Товарищи посадят меня, а сами работают и за себя, и за меня. Потом отъелся немного, окреп, стал сам работать. Был среди пленных один Алексей – дураком его звали. Вот с ним на пару мне пришлось свёклу выпаживать. Он коня ведёт, а я плуг направляю и режу пополам свекольные клубни. Увидел это Алексей, да как заорёт: «Ты что делаешь? Не хочу за тебя палки резиновые получать». И доложил помещику, что я сделал, и добавил, что я будто бы политруком был.

Повезли меня и еще двоих в Нейштадт. Там был офицерский лагерь военнопленных. Вот здесь я увидел настоящему гордых и сильных советских людей. И здесь в плену они оставались, несмотря на все издевательства и унижения, патриотами, агитаторами, стойкими борцами за человеческое достоинство. Некоторые и здесь носили погоны и сохранили свои ордена.

В Нейштадте я был свидетелем проведения международной комиссии по проверке военнопленных. Офицеры поставили перед ней вопрос: «Почему советским военнопленным нет помощи от Всемирной Организации Красного Креста?», тогда как они помогают французским, польским и пленным других наций. Так вразумительного

ответа и не последовало. Здесь в Нейштадте немцы, видимо, не нашли во мне комиссара и отправили меня и еще двоих пленных работать в какие-то траншеи.

Эгесдорф. Что-то строилось, закладывался фундамент, для него траншея вырыта. Вода, грязь, стоят холода. Заставляли на тачке с одним колесом возить по доскам цемент и цементировать эти траншеи. А я не могу – болит нога, осколок гранаты мешают. Сказал об этом немцам, которые подгоняли меня. Схватили меня, посадили в машину. Два охранника рядом. Привезли в немецкий госпиталь. В нём раненые немецкие солдаты. Пока ждали начальства, немцы, солдаты, враги, с которыми воевали на поле боя, посадили рядом, суют лекарства, предлагают еду. Этот случай поразил меня. Я всю жизнь говорил, что простые люди не виноваты в войне, какой бы нации человек не был. Но вот пришел офицер, завели к врачу, эсэсовцу. На руке повязка, черная форма, на груди крест. «О руссиш швайн (русская свинья)», – злобно сказал он. И какими-то плоскогубцами вытащил этот осколок, естественно, без анестезии, наживую.

Ходить стало легче, но болит рука – рана загноилась. Осколки остались в ней. Я везу тачку по доскам, а удерживать не могу одной рукой. Левая совсем бессильна. Тачка падает или опрокидывается в воду. Полицай это счёл саботажем, пообещал другую работу и дал: загнал в воду по грудь, вода холодная, а сверху снег, и заставил грязь изпод воды выгребать руками и носить гимнастёркой. Думал я, что тут уже не выдержу. Совсем худо стало. Потом пришлось посидеть в одиночной камере, и дали 25 ударов дубинкой вдоль спины. После этих наказаний меня отправили назад в Герден, к помещику.

В Гердене лагерь был небольшой, человек на 100, обнесён колючей проволокой. Деревянное здание барака охраняли солдаты, некоторые из них были из местных жителей. С утра военнопленных разводили на работу. Вечером охранник приводил их в лагерь. По дороге можно было

сорвать несколько яблок с деревьев, которые росли прямо на улице. Но я предпочитал грецкие орехи. В брюках были сделаны потайные карманы, в которых мы прятали съестные припасы. И, придя в лагерь, подкармливались. В подполье хранилась маленькая кустарная крупорушка. На ней руками мололи муку из ворованной пшеницы и стряпали лепёшки.

Один военнопленный из Вологды, десантник Федюшка, раненный в бедро во время десантирования, о чём он всегда с юмором рассказывал: «Лечу, а немец-то гад целит прямо мне в самое незащищённое место, а я только ругаться-то и могу, и попал все-таки... Он умел плести корзины и научил этому всех пленных. И мы из еловых корней, вырванных по дороге, ночью в бараке плели корзинки, кузовки, прятали на себе и меняли у местных жителей на продукты. Некоторые немки сами приносили еду, просили охранника передать пленным. Говорили: «Может, нашим где-нибудь там, в России, кто-нибудь поможет». Была одна женщина, ей было уже под 60, она приносила еду пленным. Национальность её было определить трудно, так как она говорила на многих языках: на немецком, русском, польском, французском. Приходила она с девочкой, ярко накрашив губы и намазав глаза тенями, как смеялись пленные, «колёсной мазью». Она умела уговорить охранников, чтобы они разрешили передать продукты.

Организация труда у немцев была похожа на наши колхозы, только руководил помещик-барон. Но техники никакой не было. Пахали и убирали на лошадях и быках. В арбу-телегу запрягали 2 быка. Для управления одна вожжа. За нее дергают и говорят немецкие слова. Один раз дёрнешь, слово скажешь – повернет налево. Два раза дёрнешь, другое слово – направо. Один пленный встретился на мосту с коляской, в которой ехал барон. Давай кричать и бить быков, а они русской речи не понимают и к битью не приучены. Так и полетел барон вместе с гостями с моста в речку.

И вот конец 1944 года. Война приближалась к Германии. Это чувствовалось и в поведении немцев. Все больше простые люди спрашивали о России у пленных. Особенно интересовался пожилой немец Карл. Он воевал с русскими еще в Первую мировую. Часто слышался мощный гул. Это летели американские самолеты бомбить германские города и позиции. Самолётов было очень много, тяжёлые бомбардировщики сопровождали юркие «ястребки». Летели полдня в одну сторону; сбросив бомбы, загрузившись новыми, дня через 2 возвращались с советских аэродромов. Немецкие зенитки молчали. Если кто осмеливался сделать залп, звено из 5 бомбардировщиков разворачивалось и сбрасывало бомбы. И у немцев пропадало желание останавливать эту армаду. Однажды мы были свидетелями крушения американского бомбардировщика. Самолёт внезапно стал разваливаться в воздухе. Вначале отвалились крылья, разломился фюзеляж, а хвостовая часть во время падения по размерам не уступала истребителю. Обломки упали на поле, где работали мы, и нам пришлось собирать обломки самолёта и погибших лётчиков. Их свезли в сарай. На них была добротная кожаная форма, но никто из советских пленных ничего не снял и не взял, хотя одеты мы были очень плохо. А наутро погибшие были в одном белье – одежду сняли местные жители.

Особенно боялись немцы самолётов, пилотируемых неграми. Они были бесстрашные, подлетали низко к земле, а немцы кричали: «Чёрная голова летит» и в ужасе прятались.

Война приближалась к концу. Барон, который сказал мне, что у меня недобрый взгляд и что я у него еще 10 лет после войны работать буду, стал добрее, разговаривал с пленными, иногда оставлял ночевать в своём поместье на крыше сарая. Через городок проходили отступающие немецкие части. Они шли на запад, стараясь попасть в зону наступления американцев. Однажды к помещику подъ-

ехала машина с эсэсовцами. Несколько офицеров долго разговаривали с бароном. Мы, сидевшие на крыше сарая, из обрывков немецких фраз поняли, что эсэсовцы хотят забрать пленных с собой. В это время немцы собирали пленных и, отступая, часто расстреливали их. Эсэсовцы несколько раз доставали пистолет и угрожали барону, но он уговорил их не забирать пленных с собой. Эсэсовцы уехали. Нас отвели в лагерь. А наутро в городок вошли американцы.

Это было 12 апреля 1945 года. Этот день я всю жизнь считаю своим вторым днём рождения.

Американцы танками проехали по колючей проволоке. Американские солдаты обнимали освобождённых, снимали с себя кителя, пилотки и отдавали бывшим военнопленным. Раскрывали ящики с тушёнкой. Они готовы были все отдать, даже оружие в знак солидарности и уважения к советским солдатам. Особенно хорошо, тепло относились к бывшим пленным негры. 10 мая впервые встретили русского лейтенанта, своего кровного человека. Он организовал группу советских военнопленных. Затем завели в огромный склад, длиной около километра, где хранилась одежда, наверное, с Первой мировой – бери, что хочешь. Я надел костюм-френч, какую-то французскую фуражку – потом козырёк к ней пришил. Началась вольная жизнь. Барона никто не тронул. Все были рады освобождению. Все свободно перемещались по городку, даже катались на трофейном «Виллисе». Нашёлся шофёр из пленных, родом из Ленинграда. Я во французской фуражке сидел впереди, и нас принимали за французскую делегацию, пропуская на всех КПП.

Но вскоре эта территория перешла под управление англичан. Они строго и высокомерно относились к нам. Вольностей не допускали. Затем нас, бывших пленных, посадили на грузовики и повезли на советскую оккупационную зону. Поляки, узнав, что их везут в советскую Польшу, почти все повернули назад. Находились пленные

в Бухберге, затем нас перевели в Магдебург под наши оккупационные войска. Выгрузили из машин, и мы пошли пешком в сопровождении солдат в большой сборочный пункт, неподалёку от Берлина. Шли пешком километров 80. Вся дорога была усыпана чемоданами, одеждой, взятыми в надежде привезти домой подарки. Почти все побросали, ноги превратились в сплошные мозоли – отвыкли от кожаной обуви. Но я ничего не брал, был в костюме и фуражке. Колонна прошла по столице Германии – Берлину. Город был сильно разрушен. На некоторых улицах – огромные горы обломков, домов, воронки от бомб. Привал был у Рейхстага и Бранденбургских ворот. Все стены были изрешечены пулями и снарядами. Обломками арматуры я с другом Яшей процарапал свое имя».

Потом бывших пленных перебрасывают на северо-восток, 35 км от Берлина. Начинается проверка НКВД. Среди пленных, хотя и очень немного, попадались предатели, подлецы, полицаи. Дед правдиво рассказал, где, когда и с кем воевал, как попал в плен. Проверили – все совпало. Предложили служить в армии.

Первое письмо на родину пошло 30 июля 1945 года из города Финнов. 31 июля 1945 впервые за три года смотрели кинокартину «Свинарка и пастух». А 20 августа 1945 дед с другом Степаненко Яшей вечером, находясь в расположении лагеря в городе Кичендорф, вышли на гору, высотой 50 метров, с которой видны все окрестности города. Яша снимал пейзаж горы и видимую даль, дед, скучая по родине, по родным, знакомым и друзьям, играл на мандолине, которая проехала с ним более 400 км. 25 августа 1945 года дед попадает в регулярную часть в авиационный полк связистом. Начало новой счастливой жизни!

С августа 1945 по март 1947 дед служил в армии в Германии в авиационном полку связистом. Мог по ранению сразу попасть домой, но просить не стал. Очень хотелось воевать, делать то, что надо солдату. Чтобы добиться, чтобы тебе верили в то, что был и остался советским челове-

ком. После всех этих мук Родина еще дороже стала. Только здесь человек чувствует себя гражданином. В армии деду из руки вытащили осколки, но не все. Некоторые он носил всю жизнь. Один вырезали в 1990 г. в Романовской больнице. Он сам почти вышел наружу, стал мешать.

В марте 1947 г. дед вернулся домой, «воскрес из мертвых», так как родители получили «похоронку», извещение о том, что «ваш сын Чуприна Александр Кондратьевич, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество и был убит 12.08.1942 г., похоронен у села Хвощеватка Берёзовского района Воронежской области».

Родители, друзья встречали его со слезами на глазах. Пройти через ад и выжить «всем чертям назло» это была военная судьба деда. Конечно, не все относились однозначно к тем, кто был в плену, прошёл концлагеря. Да и не может человек, не испытавший сам, понять, что пришлось перенести этим людям. Три года дед и его друзья по плену терпели мучения с надеждой выжить и вернуться домой, донести миру все то, что им пришлось пережить, чтобы это никогда не повторилось. Они поклялись друг другу, что никогда не забудут погибших друзей, будут работать и служить Родине за себя и за них, не вернувшихся с полей войны.

Сразу после войны дед писал воспоминания об ужасах плена. Однажды, расстроившись из-за того, что в военкомате военком, который всю войну просидел в тылу, спокойно получая награды, не признал его ранения, да и НКВД на примете его держало и часто проверяло, дед уничтожил тетрадку. Но он часто рассказывал родственникам, детям о войне. До последних дней жизни он видел жуткие сны, «воевал во сне, отбивался от полицаев» – война не оставляла его всю жизнь.

С 1947 г. дед работал в Гилево-Логовской средней школе до 1975 года, до болезни. Умер мой дедушка в 1995 году.

За свою работу получал благодарности и награды. В 1967 г. получил звание «Отличник народного просвещения». В 1970 г. – медаль «За доблестный труд». В 1957 году – медаль «За освоение целинных земель». В 1985 г. был награждён орденом Отечественной войны II степени. Награждён памятными медалями участника Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Трижды избирался депутатом сельского Совета. В школе преподавал немецкий язык, физкультуру, труд, музыку, рисование, черчение. Вел кружок баянистов, хоровой, фотокружок. Была у него мечта, чтобы вся деревня на гармошке играла. Многие ребята полюбили музыку, некоторые стали музыкантами. Занимался он и живописью, писал этюды родной природы, по которой скучал в плену. Кстати, крошечный рисунок родной природы, сделанный дедом в плену в Польше на бересте и обрывке листовки, который он проносил с собой у сердца, сохранился до наших дней.

Живопись и музыка давали ему дополнительные жизненные силы.

Дедушка был очень талантливым человеком: увлекался фотографией, с 50-х по 70-е годы им сделана своеобразная фотолетопись села, ремонтировал часы, делал это просто так, не за деньги, умел плотничать, столярничать. Часто к нему приходили фронтовики, сельчане, каждого он мог выслушать, поговорить на любые темы. Он был очень скромным человеком, не просил, не требовал льгот для участников Великой Отечественной войны. Он был из тех, кто носил в себе чувство вины, что он выжил, а друзья погибли, и то, что он живёт уже столько лет на Родной земле, считал для себя самой главной наградой.